

Эту прекрасную, романтическую историю любви я узнал много лет назад случайно, при самых необычных обстоятельствах.

... Завершались наши поисковые работы на Смоленщине — оставалась последняя акция: перезахоронение останков неизвестных солдат, неслыханным из которых нам с помощью криминалистов удалось вернуть имена. Присоединившийся к экспедиции «Труда» бывший фронтовой кинооператор и старый мой знакомый Георгий Кузьмич Епифанов все снимал и снимал, не жалея драгоценной пленки. «Это же история, — повторял он, — эпилог фронтовой кинолетописи...»

В ту ночь никто из нас не мог уснуть — слишком многое всколыхнуло в душе участников этого «эпилога», особенно фронтовиков, еще одна открывшаяся нам страшная тайна войны. Георгий Кузьмич предложил прогуляться по «жидкому асфальту», как тут именуют непролазную деревянную грязь.

Молча шли мы по тихой сельской улочке, стараясь не увязнуть в густой жиже, и вдруг до нас донеслась мелодия, такая знакомая, такая душевная, что перехватило дыхание. Трепетный глубокий голос словно разговаривал с нами:

«Руки, вы словно две большие птицы,
Как вы летали, как оживляли все вокруг!»

Руки, как вы легко могли обвиться,
И все печали снимали вдруг...»

Это было так неожиданно и так кстати для нашего душевного состояния, что мы остановились, как вкопанные.

— Слышите? Шульженко, — проворчал я. — Сколько чувства — волшебство, да и только...

Георгий Кузьмич промолчал. Мы дослушали до конца и пошли дальше. Думая о Клавдии Шульженко, я вдруг вспомнил услышанное где-то:

— Говорят, — сказал я, — что ее второй муж был генералом.

Мой спутник вдруг резко остановился, повернулся ко мне лицом и произнес:

— Я никогда не был генералом. Так я впервые услышал историю этой большой любви.

... В довоенном сороковом году, заканчивая киноинститут, он купил себе на деньги, сэкономленные от стипендии, патефон и начал собирать пластинки. Однажды в музыкальном магазине впервые услышал этот голос — озорную «Челитку».

И с тех пор каждая новая песня Клавдии Шульженко неизменно пополняла его коллекцию. Изюм для него, снова и снова он слушал ее голос и, еще не видя ее, сделал своим кумиром. Днем грешил ею, ночью видел ее, незнакомую, во сне. Друзья уже шутили советовать ему обратиться к психиатру...

На преддипломную практику его отправили на «Ленфильм». И однажды на Кировском проспекте он увидел концертную афишу: «Клавдия Шульженко — с оркестром».

— Я — в кассу, — рассказывает он, — дайте, говорю, первый ряд, середину. Но, взяв билет, испугался: так близко «живьем» увидеть свое божество! — и вернулся. Прошу кассиршу: «Возьмите назад и дайте мне место подальше, на галерке». Она возмущалась: «Сами не знаете, чего хотите!», и очередь зашумела. Набрался я мужества и оставил первый ряд. Сичу — не дышу: сейчас появится. И вот появляется... нет — наплывает, а может, с небес спускается. В общем, влюбился я сразу и бесповоротно...

С тех пор он не пропускал ни одного ее концерта. И всегда сидел на одном и том же месте в первом ряду. До сей поры хранит все программки и свои записки: в каком платье она была, как выглядела, что и как делала. Но подожди, познакомьтесь, преподнесите цветы, купленные на последние рубли, не решался.

А потом началась война, бесконечные фронтовые съемки, полная опасностей жизнь, готовая оборваться в любую минуту. Но он остался верен себе, вернее — ей: повсюду возил с собой аккуратно уложенное в металлическую коробку из-под пленки бесценное свое сокровище — упрятанный в патефонные пластинки дорогой сердцу голос. В короткие минуты затишья спрашивал себя: что с ней, где она теперь? И не знал, что, возможно, она где-то близко, что Клавдия Ивановна дает концерты на передовой. Только для героических защитников блокадного Ленинграда на ее боевом счету более 500 выступлений. Своим искусством, своим оптимизмом и мужеством она помогала людям выстоять, поверить в победу.

И она пришла, долгожданная, дорого оплаченная Победа. И вместе с другими целевыми вернулся домой Георгий Епифанов — кавалер трех орденов Красной Звезды, ордена Отечественной войны и множества медалей за оборону и освобождение городов.

Клавдия Шульженко:

«Ты вдохнул в меня жизнь»

Кончилась его фронтовая кинолетопись и началась мирная, послевоенная.

Беспокойная жизнь кинооператора не давала передышки — бесконечные командировки кидали его то на Дальний Восток, то на жаркий юг, то в Арктику. И только по газетам и радио следил он за маршрутами своего кумира, уже знаменитой на всю страну и колесившей по городам и весям со своими концертами. Знал, истово верил, что когда-нибудь их пути обязательно пересекутся. И все-таки не ждал милостей от судьбы — раздобыл ее домашний адрес и к каждому празднику, включая и такие, как День авиации и День физкультурника, посылал ей поздравительные открытки. И никаких «пожеланий успехов в творчестве», ибо считал, что она уже достигла самых заоблачных высот. А подписывался неизменно инициалами: «Г.Е.».

Безнадежная «заочная» любовь Епифанова к Клавдии Шульженко ни для кого из его близких друзей не была тайной. Один из них — тоже кинооператор Сергей Семенов знал Шульженко еще с войны — снимал ее в киноборниках «Концерт — фронту». И вот однажды — 21 июля 1956 года (эту звездную для него дату Георгий Кузьмич помнит с точностью до часа) на киностудии к нему подошла жена Сергея Марианна. «Слушай, — сказала она, — мой Сережа отдыхает с твоей Клавочкой в подмосковном санатории имени Артема. Я собираюсь съездить к нему. Твоя машина в порядке?»

Ответа не требовалось — он уже сидел за рулем своей «Победы». Приехали. Он остался внизу с приехавшим с ними профессором, а Марианна поднялась на второй этаж и вскоре появилась на балконе, но не одна — с ней. Он так и застыл, не смея шевельнуться. Марианна показала на них рукой, что-то сказав, и актриса засмеялась. Что бы сделал на месте влюбленного кинооператора испанец, стоящий под балконом возлюбленной? Наверняка не растерялся бы и спел серенаду. Но Георгий Кузьмич — не испанец. Увы, фронтовик, побывавший во многих передельках, поспешил укрыться под густой тенью дерева. А вот профессор не растерялся. «Клавдия Ивановна, — кричал он, — как я вас люблю!» — И стал посылать ей воздушные поцелуи. Она так и не спустилась в тот день, а он так и не набрался храбрости предстать перед своим божеством.

— Что же ты спрятался, трус? — выговаривала ему Марианна на обратном пути. — Упустил такой шанс! Я ведь ворвалась к ней, как вихрь, ошеломила ее: «Клавочка, говорю, кого я тебе привела! Выйди на балкон — там стоит мужчина, который всю жизнь от тебя без ума». Она вышла и говорит: «Так

Они стали мужем и женой, но он никак не мог поверить в свое счастье, и она по-прежнему оставалась для него божеством, и ему все казалось, что это сон и что он вот-вот оборвется...

— С этой женщиной я познал настоящее полное счастье, — с какой-то светлой грустью заклю-

девший на обычном своем месте в середине первого ряда, и такого счастливого лица у него не было уже давно. Значит, помирились!

Потом я узнал, как это было, узнал от самого Георгия Кузьмича.

... Она позвонила, будто и не было тех беспричинно потерянных лет: «Ну, здравствуй, Жорж. Надеюсь увидеть тебя сегодня, как всегда, в первом ряду. Если я тебя не увижу...»

Она не договорила — ее голос — неповторимый, единственный — дрогнул...

Так они встретились после долгой, долгой разлуки, чтобы не расставаться уже никогда.

Первое, что я увидел в небольшой скромной квартирке Георгия Кузьмича, был большой портрет Клавдии Шульженко. Он как бы притягивает к себе взгляды, так что остального уже не замечаешь — вот она, здесь, рядом, хотя ее уже нет в живых. Впрочем, не только мастерски выполненный портрет создает эффект ее присутствия, но и старенький патефон со стопкой пластинок — все, что было выпущено при жизни и после. Сегодня — день ее рождения, и Георгий Кузьмич только что вернулся с Новодевичьего кладбища. К портрету положил цветы, а нам налил по рюмке. И сам собой продолжился тот давний незаконченный наш разговор.

Весь остаток дня и весь вечер мы говорили только о ней. Он выложил на стол целый ворох бумаг, фотографий, концертных программ со своими пометками. Особняком лежало личное достояние Георгия Кузьмича, самое дорогое ему — ее письма и телеграммы — те, что, кроме него, никто никогда не читал. Я был первым, кому он позволил это. Признаться, я смутился. Уже давно, с того самого дня, когда он впервые поведал мне историю своей единственной любви, меня занимал вопрос, который я не решался задать: а любила ли она его так же беззаветно, как он? То, что она неистово ревновала его, — тоже не доказательство — ведь бывает ревность и без любви — от эгоизма. Отвечала ли она ему такой же пылкой любовью? Ответ на этот вопрос могла дать только она сама — в своих письмах. Георгий Кузьмич как будто отгадал мои мысли:

— Сегодня день ее рождения, — сказал он. — Сколько же могут молчать эти письма? Читайте.

С разрешения адресата привожу здесь несколько выдержек из писем, взятых наугад. Привожу затем, что история их любви будет неполной, обедненной без этих торопливо или в задумчивости написанных, сердцем продиктованных строк.

«Здравствуй, моя любовь, моя жизнь. Только что перечитала твои письма и телеграммы, как лучшую книгу из тех, что я прочла в жизни. Твоя поэма о любви меня совершенно потрясла и обезоружила...»

«... Ты вошел в мою жизнь, когда она потеряла для меня смысл и интерес. Ты вдохнул в меня жизнь. 21 июля 1956 года, когда мы встретились, — великий день для меня, день моего второго рождения для любви. Сколько мне осталось — все твое».

«... Да, я страдаю, потому что у меня месяц — за год и год — за десять. Жизнь — это ты!»

«Счастье ты мое, как мне хорошо с тобой!..»

Продолжением писем были ее необычные телеграммы — их более двухсот. Беру одну, другую, третью и в каждой — слова любви, нежность, тревога, ожидание встречи...

«... Без тебя просто чахну... Похудела от тоски. Я так тебя люблю, «как сорок тысяч братьев любить не могут...»

«Сегодня пела только для тебя, мой родной, любимый...»

«Жорж, ты моя лучшая песня любви...»

Вот и ответ на мой невысказанный вопрос — была ли его беспримерная любовь взаимной.

... Уже уходя, я задержался на дороге:

— Помните, Георгий Кузьмич, тогда, ночью, на Смоленщине, вы сказали мне, что никогда не были генералом? Позвольте заметить вам, что если бы за любовь давали звания, то вам следовало бы присвоить звание маршала любви.

— Ну, если так, — засмеялся он, — то Клавдия Ивановна — генерал-лис-си-мус!

... Ей было пятьдесят, когда к ней пришла настоящая любовь.

Лев АРКАДЬЕВ,
кинодраматург.

их же двое». Я показала на тебя: «Тот, что помоложе, — кинооператор Георгий Епифанов». «Кто, кто?» — спрашивает она. Но вот что странно: очень удивилась и все повторяла: «Георгий Епифанов — Г.Е., Г.Е.» Ты что-нибудь понимаешь?

О, он очень хорошо все понял — летел на своей «Победке», как на крыльях...

Через несколько дней они снова наведались в санаторий — навестить якобы заболевшего Сергея.

Приехали, входим, — вспоминает Георгий Кузьмич. — Я знаю, что Сергей на первом этаже, а она меня на второй тащит. Я понял, упираюсь, боюсь, а она мне: «Ну, иди же, иди, дурачок!» Буквально толкнула меня в дверь. И я оказался лицом к лицу с ней. Впервые увидел ее так близко — такая домашняя, естественная, земная. Я, кажется, ничего, кроме «здрасьте», и сказать-то не мог — настолько растерялся. А потом, когда собрался уезжать, она вдруг спрашивает: «А можно и мне с вами?»

И вот она со мной, в моей машине. Адреса я не спрашивал — я ведь уже знал его — спросил только, какой подъезд. Попрошавшись, она дала мне свой телефон и сказала: «Заходите на чаепитие»...

Он примчался, как это ни смешно, в тот же вечер. И было все, как в популярной тогда песенке: «А он все пил и все твердил — какой у вас чудесный квас». То бишь чай, конечно. Пил чашку за чашкой, чтобы продлить это первое, выстраданное долгими годами свидание. О многом они поговорили тогда.

— Сейчас я вам что-то покажу, — загадочно сказала она и положила перед ним пачку перевязанных ленточкой открыток. — Узнаете? Знаете, почему я другие выбрасывала, а эти сохранила? За постоянство. Только инициалы. И столько лет оставаться в тени! Отсюда, куда только ни забрасывала судьба этого летучего «Г.Е.», приходили открытки. Даже из Арктики и Каракумов — и где вы только там почтовый ящик нашли. Даже муж мой был поражен и сказал, что это надо сохранить... Два года назад она развелась с ним и жила одна в старой своей квартире.

Кажется, обо всем поговорили они в тот вечер. И время уж к полуночи, пора, как говорится, и честь знать. Она посмотрела на него и сказала: «Или уходите, или оставайтесь». Он устоял.

Природа создала ее удивительным, неповторимым созданием — я считал ее инопланетянкой, хотя вся она была на удивление земная — никогда прежде не подозревал, что есть такие исключительные явления природы...

Он ушел в себя, в свои воспоминания...

После долгого молчания я спросил:

— Она была так популярна, так любима многими — вы не ревновали?

Он встрепенулся, как от сна: — Она — исключительно цельная натура, было бы нелепо ее ревновать.

— А она вас не ревновала? Ведь вы намного ее моложе.

— Это так, разница в возрасте была у нас значительная, но, поверьте, я чувствовал себя старше. В ней было столько молодости, столько озорного, девчачьего, жизнь так и била в ней неиссякаемым ключом. Да, к несчастью, она была ревнива и ревновала без всякого повода, мучительно, бурно. Именно из-за этого мы и расстались. Однажды в порыве беспричинной ревности она наговорила мне такое, что я и сейчас не готов повторить. Я не мог этого вытерпеть — оделся и ушел.

Их совместная жизнь длилась почти десятилетие, а разрыв затянулся на целых двенадцать лет. После Смоленщины мы с Георгием Кузьмичом часто встречались в Москве — и на студии, и в Доме кино, и у меня дома. Но к тому ночному разговору больше не возвращались, будто его и не было. И я хранил в тайне то сокровенное, что услышал от него тогда. И только недавно он сам как бы снял запрет, и я узнал финал этой романтической истории любви двух неординарных людей.

В Колонном зале шло юбилейное чествование любимой поистине народной артистки Клавдии Ивановны Шульженко по поводу ее круглого «летия». Она держалась королевой. А как пела! Зал слушал, завороженный ее волшебным, ничуть не «постаревшим» голосом, взрываясь аплодисментами. Концерт транслировался и по телевидению. Со своего места я видел, как суежились телеоператоры, и заметил, что они то и дело направляли свои камеры на середину первого ряда. Женщина, сидящая рядом со мной, «прокомментировала»: «Это они мужа ее крупным планом снимают...» Да, это был он, Георгий Кузьмич, си-